

Леонид Аринштейн

ПУШКИН:

«Когда Потёмкину в потёмках...»

По следам «Непричёсанной биографии»

Леонид Аринштейн

**Пушкин: «Когда Потемкину
в потемках...». По следам
«Непричесанной биографии»**

«Грифон»

2012

УДК 929 Пушкин А.С.
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Пушкин А.С.

Аринштейн Л. М.

Пушкин: «Когда Потемкину в потемках...». По следам
«Непричесанной биографии» / Л. М. Аринштейн — «Грифон»,
2012

Это третья книга из биографического цикла о Пушкине. Она состоит из отдельных новелл, раскрывающих неизвестные ранее моменты биографии великого русского поэта, в том числе считавшиеся давно решенными, а также обделенные вниманием исследователей. Автор увлекательно и мастерски решает исторические и филологические головоломки и восстанавливает тайные хитросплетения событий блестящей Пушкинской эпохи. Автор книги Л. М. Аринштейн – историк культуры, писатель, литературовед, автор более 200 книг и статей (в том числе легендарной «Непричесанной биографии» Пушкина), составитель и редактор полного собрания сочинений Пушкина на английском языке, вышедшего в 1999–2004 годах в Великобритании. Для всех, кто интересуется русской культурой.

УДК 929 Пушкин А.С.
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Пушкин А.С.

© Аринштейн Л. М., 2012
© Грифон, 2012

Содержание

От автора	6
Часть I. «Нельзя ль найти подруги нежной?»	7
«Когда Потемкину в потемках...»	8
Таинственная дама с безупречной репутацией	15
Знакомство на пироскафе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леонид Аринштейн
Пушкин: «Когда Потемкину в потемках...»:
По следам «Непричесанной биографии»

© Грифон, 2012

© Аринштейн Л. М., 2012

© Бурденюк Е., оформление, 2012

* * *

Памяти Михаила Павловича Алексева, учителя, ученого и человека чести, благородного
и бесстрашного

От автора

Это третья книга биографического цикла о Пушкине. Как и в первых двух – «Пушкин: Непричесанная биография» и «Пушкин: И про Царей, и про Цариц», – я придерживался в ней следующих принципов.

Первое. Строгая историческая объективность. Никаких домыслов, никакой мифологии, только научно выверенные факты и максимально широкое использование подлинных документов.

Второе. Занимательность (что, я думаю, существенно для многих читателей). Но опять-таки, не ценой придумывания и фантазий. Пушкин был настолько неординарной личностью, и жизнь его настолько изобиловала неожиданными поворотами и непредсказуемыми перипетиями, что мало какой вымышленный роман сравнится с ней.

Третье. Биографический подход, суть и смысл которого в том, чтобы увидеть через произведения Пушкина его жизнь. И обратно: понять через события жизни Пушкина те или иные его произведения. Такой подход по каким-то причинам в советское время осуждался официальной идеологией. Это пренебрежение к биографическому методу отомстило само за себя: оно лишило литературоведение многих открытий, которые могли бы приблизить к пониманию Пушкина его читателей и почитателей. Насколько благодарно этот подход воспринимается широким читателем, свидетельствует успех «Непричесанной биографии». Я подробно обосновал этот подход в предисловиях ко всем пяти изданиям «Непричесанной биографии», и повторяться здесь нет необходимости.

Теперь об отличии этой книги от двух предшествующих. Оно в следующем.

Первые две книги я пытался выстроить как по возможности единое повествование. Я говорю «по возможности», потому что с самого начала понимал, что любая заорганизованность в разговоре о Пушкине – дело обреченное.

В этой книге я рискнул сделать следующий шаг, изменив ее жанровую структуру. Книга состоит из отдельных новелл, позволяя тем самым сосредоточиться на том, что при систематическом повествовании ушло бы в «частности» и прошло бы мимо внимания.

В первой части – «Нельзя ль найти подруги нежной?» – десять таких новелл. Заглавие этой части говорит само за себя. Читатель найдет здесь немало нового.

Вторая часть – «Как Царь не давал гнобить Пушкина» – настолько изобилует новым материалом, что он разрывает рамки жанра задуманных мною первоначально двух новелл и превращается в историко-документальное повествование о том, как Николай I оберегал Пушкина от придирок своих собственных чиновников, и о почти детективной творческой истории одного из центральных произведений Пушкина – «Пророк».

Третья часть содержит девять миниатюр в жанре, который академик М. П. Алексеев называл «заметками на полях». Такие заметки касаются одного произведения и посвящены, как правило, какому-то узкому вопросу спорного или уточняющего характера. Четыре миниатюры публиковались в предпоследнем издании «Непричесанной биографии» (2007 г.) в разделе «Непрочитанные стихотворения Пушкина», другие публикуются впервые.

Февраль 2012 г.

Часть I. «Нельзя ль найти подруги нежной?»

*Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?
И ничего не нахожу...*

«Когда Потемкину в потемках...»

Едва ли многие читатели Пушкина помнят небольшое стихотворение великого поэта, состоящее всего из четырех строк:

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

(III, 457)¹

В Малом академическом издании сочинений Пушкина эти строки прокомментированы так: «Четверостишие, сохранившееся в рукописи Пушкина, относится к Е. П. Потемкиной, сестре декабриста Трубецкого, жившей в Москве на Пречистенке. Смысл этой шутки Пушкина неясен и обстоятельства, ее вызвавшие, неизвестны» (З, 471).

Действительно, смысл четверостишия неясен. Ясно лишь, что это характерный для Пушкина шуточный экспромт, вызванный какими-то конкретными обстоятельствами. Что это за обстоятельства – неизвестно. А без этого понять смысл сказанного невозможно. И всё же смысл стихотворения прочитать можно. Ключом к его прочтению служат упоминаемые в стихотворении собственные имена Елизаветы Петровны Потемкиной и Фаддея Венедиктовича Булгарина. Имя Булгарина, судя по тексту, носит здесь вспомогательный характер: оно служит мерой того крайнего унижения, на которое, при определенных условиях, Пушкин был готов пойти, причем вполне добровольно: «...Пусть с Булгариным в потомках / Меня поставят наряду».

Что же это за условия? Из текста ясно, что они как-то связаны с именем Е. П. Потемкиной, – точнее, с тем, удастся ли Пушкину найти ее «в потемках на Пречистенке». Удастся – тогда поэт готов пожертвовать своей посмертной славой: пусть потомки приравняют его к Булгарину. (Как Пушкин оценивал Булгарина, напоминать не надо.) Цена вопроса, как видим, очень высока! В чем же дело? Почему Александру Сергеевичу так уж позарез понадобилась Потемкина, с которой его до той поры мало что связывало?

---

¹ Произведения Пушкина цитируются по Полному академическому собранию сочинений в 16 томах (М.; Л., 1937–1949). При ссылках на это издание римской цифрой обозначен номер тома, арабской – номер страницы. При ссылках на Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 10 томах под редакцией Б. В. Томашевского (Изд. 4-е: Л., 1977–1979) том и страница обозначены арабскими цифрами.

Графиня Е. П. Потемкина

О Потемкиной в связи с Пушкиным известно главным образом то, что она была посаженной матерью на его свадьбе с Натальей Николаевной Гончаровой 18 февраля 1831 г.

И здесь обстоятельства начинают проясняться. Первоначально Пушкин просил быть посаженной матерью на его будущей свадьбе свою давнюю приятельницу Веру Федоровну Вяземскую. Сразу же после того, как Пушкин получил согласие на брак с Натальей Николаевной, в апреле 1830 г. он направил В. Ф. Вяземской письмо, которое завершил словами: «И я прошу Вас, дорогая княгиня, быть моей посаженной матерью» (XIV, 81).

Вера Федоровна согласилась и примерно за месяц до свадьбы через своего супруга князя П. А. Вяземского подтвердила согласие. В письме от 17 января 1831 г. Петр Андреевич писал в своей обычной для переписки с Пушкиным дружески-шутливой манере: «Посаженная мать спрашивает, когда прикажешь ей сесть и просит тебя дать ей за неделю знать о дне свадьбы» (XIV, 146).

Никаких осложнений с этой стороны не предвиделось. Как вдруг, словно гром с ясного неба: 3 февраля, когда до свадьбы оставались считанные дни, Вера Федоровна взобралась на детскую кровать, чтобы приладить к стене образок, оступилась и упала... Да так, что у нее

случился выкидыш, имевший довольно серьезные последствия, надолго, почти на два месяца, уложившие ее в постель².

Без посаженной матери свадьба не могла состояться. А найти Вере Федоровне достойную замену, да еще чтобы на эту замену не обиделась родня невесты, было почти невозможно. Ведь Вера Федоровна была княгиня по мужу и княжна по рождению. Но самое драматичное, что на поиски и уговоры времени практически не оставалось: менее чем через две недели в среду 18 февраля наступал последний в том году срок перед Великим Постом и Пасхой, когда еще можно было назначить венчание. В последующие два с лишним месяца, вплоть до Фоминой недели, церковный устав запрещал заключение браков. Выстрадавшая нелегкими усилиями поэта свадьба расстраивалась...

Напомним, что это были за усилия и страдания.

В пушкинской литературе и в народной пушкинской мифологии бытует представление о поэте как эдаком удачливом покорителе женских сердец. В действительности это далеко не так, о чем мне уже доводилось говорить и писать. А уж путь Пушкина к женитьбе был усеян многими терниями.

Неудачным было его сватовство к Софье Пушкиной (его дальней родственнице) осенью 1826 г. – почти сразу же после освобождения из ссылки. Тогда Пушкин, воодушевленный приемом, который оказал ему новый Император, решает, что он уже достаточно пожил холостой жизнью и что пора ему, наконец, вступить в законный брак. Счастливым соперником поэта был В. А. Панин, за которого Софья Пушкина вышла замуж всего через несколько месяцев после неудачного сватовства Александра Сергеевича.

Неудача не на шутку огорчила Пушкина. Да и было чем огорчаться: Софья Федоровна действительно была очаровательна – «стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными, как смоль, глазами»³. Пушкин посвятил ей стихотворения «Ответ Ф.Т***.» («Нет, не черкешенка она») и «Ангел». А в одном из писем того времени вполне искренне воскликнул: «Бог мой, как она хороша!» (XIII, 562).

Вскоре Пушкин увлекся Александрой Римской-Корсаковой. Ей, между прочим, посвящена написанная тогда же строфа «Онегина»:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве...

(VI, 161)

Что происходило в доме Корсаковых, не вполне ясно, но по некоторым весьма вероятным предположениям и в данном случае имели место переговоры о браке, завершившиеся для Пушкина неудачей.

Обидным отказом было встречено его предложение Анне Олениной, дочери Президента Академии художеств, за которой он ухаживал весной и летом 1828 г. Мотивы отказа были, к сожалению, слишком прозрачны: Пушкин не служил, не владел землями, не имел стабильного дохода. К тому же внушала сомнения его весьма экзотическая внешность. Пушкин не раз задумывался над этой проблемой:

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.

---

² Обо всех этих деталях сообщает в своих письмах А. Я. Булгаков, бывший тогда чиновником по особым поручениям при Московском губернаторе – см. *Русский архив*, 1902, № 1. С. 50–51. (Далее – РА.)

³ Свидетельство Е. П. Янковой: Рассказы бабушки... Л.; Наука, 1989. С. 339.

Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он арап чернешенек,
А она-то душа белешенька.

(II, 338)

Те же мысли не оставляли его и летом 1828 г. Во время одной из прогулок в компании Олениных по заливу, когда знаменитый художник Доу стал набрасывать его портрет, Пушкин с горечью заметил:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.
Рисуй Олениной черты...

(III, 101)

Но одно дело, что всё это сознавал сам Пушкин, и совсем другое – когда ему на это намекали окружающие его люди. Гневу его на семейство Олениных не было границ, что не замедлило выплеснуться на страницы очередной главы «Евгения Онегина» – этого лирического дневника поэта. Уж как Александр Сергеевич изощрялся в словесном унижении и отца, и дочери!

Тут был отец ее пролаз,
Нулек на ножках⁴...

(VI, 514)

Тут Лиза дочь его была
Уж так жеманна, так мала,
Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость...

(VI, 513)

В вариантах было: «Уж так горбата, так мала, / Так бестолкова и писклива» и т. п.

И уж совсем драматична двухлетняя история сватовства Пушкина к Наталье Николаевне Гончаровой.

---

⁴ Намек на монограмму Оленина: – «О.А.».

Н. Н. Пушкина

Познакомившись с нею в Москве зимой 1828/29 г., Пушкин вскоре решил сделать ей предложение. Но памятуя о прошлых неудачах, он готовил сватовство с нехарактерной для него осмотрительностью. В качестве свата он избрал Федора Ивановича Толстого, который пользовался влиянием в семействе Гончаровых. Уже один этот факт примечателен. Толстой был давним недругом Пушкина: его откровенная безнравственность вызывала у поэта резкое неприятие, нашедшее, в частности, выражение в эпиграмме 1820 г.:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он...

(II, 155)

В 1820 г. Толстой распространял оскорбительные для Пушкина слухи, за что был вызван поэтом на дуэль, которая не состоялась в связи со ссылкой Пушкина. Поэт пронес решимость стреляться с Толстым через Южную и Михайловскую ссылки, и в первый же день своей свободы послал ему вызов. Толстого в Москве не оказалось, а затем общие знакомые их кое-как примирили. Нетрудно представить, какие чувства должен был обуздывать в себе Пушкин, прежде чем просить Толстого быть его сватом... И все-таки он пошел на этот несвойственный его гордому нраву шаг, преодолев себя во имя будущего, как ему казалось, счастья.

Мать Натальи Николаевны – Наталья Ивановна Гончарова (с ней нам еще предстоит познакомиться) отнеслась к сватовству холодно, и лишь ее нежелание портить отношения с Толстым избавило Пушкина от окончательного отказа. О своем тогдашнем состоянии поэт

позже писал будущей теще: «Ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума: в ту же ночь я уехал в армию (на Кавказ – Л. А.)... какая-то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы: я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия...» (5 апреля 1830 г. – XIV, 404). Столь же холоден был прием, оказанный Гончаровыми Пушкину по возвращении с Кавказа: «Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчанье, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... Я уехал в Петербург в полном отчаянии» (XIV, 404).

В дальнейшем положение изменилось, и повторное предложение Пушкина в начале апреля 1830 г. было принято. Правда, для этого Пушкину пришлось пройти еще через несколько испытаний.

Во-первых, ему пришлось обратиться к Бенкендорфу с просьбой засвидетельствовать перед Гончаровыми его, Пушкина, благонадежность. Едва ли подобное обращение к шефу жандармов было намного приятнее, чем просьба к Толстому быть его сватом. Но Пушкин и здесь сумел себя пересилить... Уж очень жаждал он получить в жены Наталью Николаевну.

Во-вторых, пошли размолвки – главным образом имущественные неурядицы – с будущей тещей, в ходе которых выяснилось, что финансовое положение и той, и другой стороны крайне незавидное.

В-третьих – и это было самым печальным, – Пушкин отчетливо сознавал, что ему предстоит брак с девушкой, которая в лучшем случае его терпит, но не любит. «Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери, – писал Пушкин всё в том же письме от 5 апреля 1830 г., – я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца» (XIV, 404).

6 мая 1830 г. состоялась помолвка. Но до желанной свадьбы было еще далеко. Осенью 1830 года в центральных областях России свирепствовала холера, и Пушкин, находившийся в Болдине, оказался надолго отрезанным от своей невесты. «Наша свадьба точно бежит от меня», – с горечью писал поэт почти через полгода после помолвки (XIV, 417).

Четырехлетние страдания и неудачи Пушкина на пути к браку делали женитьбу принципиально важным рубежом его жизни. Поэт до последнего момента не верил своему счастью. И вот, когда к февралю 1831 г., казалось бы, всё уже уладилось, – беда с Вяземской! Положение казалось безвыходным. Свадьба опять «убегала». Суеверный Пушкин готов был видеть в этом знак судьбы и вообще отказаться от брака. «Он хотел было совсем оставить свою женитьбу и уехать в Польшу, – вспоминал Нащокин, иллюстрируя “нетерпеливость” Пушкина, – единственно потому, что свадьба по денежным обстоятельствам не могла скоро состояться»⁵.

Кто-то – вероятно, сами Вяземские⁶ – посоветовали обратиться к Е. П. Потемкиной с просьбой быть его посаженной матерью. Престиж свадьбы от этого несколько бы не пострадал: Потемкина была княжной по рождению, как и Вяземская, и графиней по мужу.

Надо было, не теряя времени, разыскать Потемкину, встретиться с ней. Однако сделать это было не так-то просто. Елизавета Петровна уже несколько лет жила в «разъезде» со своим мужем С. П. Потемкиным (чей дом действительно находился на Пречистенке). Сама же она

⁵ Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 191. (Далее – *Пушкин в воспоминаниях*.) Причину, по которой свадьба не могла скоро состояться, Нащокин припоминает не вполне точно. Слова Пушкина о Польше могли быть сказаны скорее всего в начале февраля, и во всяком случае, не ранее объявления манифеста о направлении русских войск в Польшу (25 января 1831 г.). К концу января денежные вопросы с родными невесты были уже улажены (см. «Летопись жизни и творчества Пушкина». Т. 3. М., 1999. С. 297). Действительной причиной отсрочки свадьбы было несчастье с княгиней Вяземской, что, кстати, подтверждается и последующей фразой Нащокина о том, что «он даже имел с ним <с Пушкиным> горячий разговор по этому случаю в доме князя Вяземского».

⁶ В пользу этого предположения говорит то, что единственный автограф экспромта найден в Остафьевском архиве князей Вяземских. К тому же Е. П. Потемкина была близкой знакомой Вяземских.

снимала квартиру то на Большой Никитской, то на Тверском бульваре⁷, то где-то еще. Пушкин не очень-то представлял, где ее можно найти (то есть находился «в потемках» относительно ее местопребывания). А ведь от того, найдет ли он ее и сумеет ли уговорить быть посаженной матерью на его свадьбе, зависело его счастье, его последующая жизнь. Вот тогда-то и выразил Пушкин свое состояние надежды и смятения в экспромте, своеобразном сговоре с судьбой – суеверном обете: если найду Потемкину (неважно где – Пречистенка в данном случае условное обозначение ее местожительства), если найду Потемкину и всё наладится, – готов пожертвовать своей грядущей славой, став в один ряд с Булгариным⁸.

Все эти события происходили между 4 и 17 февраля, то есть между днем, когда Пушкин узнал о несчастье с Верой Федоровной Вяземской, и последним днем перед свадьбой. Тем самым уточняется датировка экспромта: между 4 и 17 февраля, вероятно, 7 или 8 февраля 1831 г.

А для Александра Сергеевича эта история завершилась вполне удачно. Он нашел Потемкину. Она согласилась быть посаженной матерью на его свадьбе с Натальей Николаевной. Свадьбу сыграли в срок: 18 февраля 1831 г.

---

⁷ Романюк С. К. Московские реалии в шутке Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. 2. СПб., 2000. С. 199.

⁸ С. К. Романюк в упомянутой статье (Там же, с. 199–200) дает другое истолкование четверостишия, которое в свете сказанного выше не представляется убедительным.

Таинственная дама с безупречной репутацией

Бликий друг Пушкина Павел Воинович Нащокин рассказал П. И. Бартеневу довольно пикантную любовную историю, которую в свое время поведал ему сам Пушкин. Речь в ней идет о великосветской молодой даме с безупречной репутацией, которая тем не менее назначила Пушкину тайное ночное свидание в своем доме.

П. В. Нащокин

«Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец, – пишет со слов Нащокина Бартенев, – по условию он лег под диваном в гостиной и должен был дожидаться ее приезда домой. Долго лежал он, теряя терпение, но оставить дело было уже невозможно... Наконец после долгих ожиданий он слышит: подъехала карета. В доме засуетились. Двое лакеев внесли канделябры и осветили гостиную. Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины: они возвращались из театра или из дворца. Через несколько минут разговора фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна. “Etes-vous là?”, и Пушкин был перед нею. Они перешли в спальню. Дверь была заперта; густые, роскошные гардины задернуты. Начались восторги сладострастия... Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Он наскоро, кое-как оделся, поспешая выбраться. Смущенная хозяйка

ведет его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали... Хозяйка позвала свою служанку, старую, чопорную француженку, уже давно одетую и ловкую в подобных случаях. К ней-то обратились с просьбой провести из дому. Француженка взялась. Она свела Пушкина вниз, прямо в комнаты мужа. Тот еще спал. Шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за ширм он спросил: «Кто здесь?» – «Это – я», – отвечала ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел...»⁹.

Бартеневу эта история напомнила эпизод из «Пиковой Дамы»: Лиза назначает Германну ночное свидание в доме графини и пишет, чтобы он незаметно пробрался туда поздно вечером, когда они уедут на бал:

«Ровно в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. Германн взбежал по лестнице, отворил двери в переднюю и увидел слугу, спящего под лампой... Легким и твердым шагом Германн прошел мимо его. Зала и гостиная были темны... Германн пошел за ширмы... справа находилась дверь, ведущая в кабинет, слева другая в коридор. Германн ее отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет.

Время шло медленно. Всё было тихо... Часы пробили первый и второй час утра, – и он услышал дальний звук кареты. Невольное волнение овладело им. Карета подъехала и остановилась... В доме засуетились. Люди побежали, раздались голоса и дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась в вольтеровы кресла» (VIII, 239–240).

Сходство действительно очень велико. И это тем более любопытно, что Нащокин позиционирует свой рассказ как реальное событие в жизни Пушкина. Выходит, что, описывая тягостное ожидание Германны, Пушкин использовал свой собственный опыт в подобной же ситуации.

Но тогда вдвойне интересно, что это за дом, где Пушкин ожидал тайного ночного свидания, и кто эта женщина, которая ему это свидание назначила. И уж коль скоро этот эпизод из реальной жизни Пушкина так схож с соответствующим эпизодом из «Пиковой Дамы», то как соотносится эта неизвестная пушкинская возлюбленная с персонажами его художественного произведения – Лизой и старой графиней?

Но как раз обо всем, что касается героини ночного приключения Пушкина, Нащокин темнит и темнит, категорически отказываясь назвать ее имя. Тем не менее, опираясь на целый ряд деталей, Бартенев заключил, и это ему подтвердил историк М. Н. Лонгинов, что речь идет о Дарье Федоровне Фикельмон (Долли), внучке фельдмаршала Кутузова, супруге австрийского посланника графа Фикельмона, в то время одной из самых блистательных красавиц великосветского Петербурга.

Рассказ Нащокина в записи Бартенева в дальнейшем не раз перепечатывался и использовался как в пушкинистике, так и в околпушкинистской литературе¹⁰, но предположение Бартенева – Лонгинова насчет Долли Фикельмон сомнению не подвергалось.

---

⁹ Пушкин в воспоминаниях. Т. 2. С. 189–190. Рассказ приводится в сокращении.

¹⁰ См., например: Раевский Н. А. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965. С. 135–182.

Графиня Долли Фикельмон

Между тем то, что доподлинно известно о Пушкине и Долли, отнюдь не свидетельствует, что между ними была любовная связь. Скорее наоборот. Долли отличалась сильным характером и расчетливой осторожностью. Ее осмотрительное, сдержанное поведение, вполне соответствующее ее положению супруги высокопоставленного дипломата, снискало ей безупречную репутацию и при Дворе, и в свете. Рисковать этой репутацией и своим положением в обществе ради случайного любовного приключения она едва бы стала.

Опровергает такую вероятность и следующее обстоятельство: и поэт, и супруга посланника были слишком заметными в свете людьми, чтобы – если бы связь между ними в действительности существовала – она не была бы замечена и не стала бы предметом светской молвы и всяческих пересудов. Однако ни в многочисленных воспоминаниях современников, ни в письмах, ни в дневниках тех лет нет даже намека на такую связь.

* * *

Всё так. Только Пушкин тайком в ночное время действительно бывал в особняке австрийского посланника. И вполне ясно, у кого он там бывал.

Дело в том, что на втором этаже этого особняка жила мать Долли – Елизавета Михайловна Хитрово. Ее дружба с Пушкиным, а в какое-то время и нечто большее чем дружба, не были тайной для окружающих.

Е. М. Хитрово

Елизавета Михайловна, как известно, была дочерью легендарного фельдмаршала Кутузова. Блистательное родство сделало Елизавету Михайловну всеми уважаемой, открыло перед ней самые высокие светские салоны, но, увы, не смогло сделать ее счастливой в личном плане. Ее первый муж – любимец Кутузова граф Ф. И. Тизенгаузен был убит в сражении под Аустерлицем. Второй муж – генерал Н. Ф. Хитрово – скончался во Флоренции в 1819 г. Елизавета Михайловна прожила в Италии еще восемь лет и в 1827 г. вернулась в Петербург. К этому времени относится ее знакомство с Пушкиным.

Пушкина всегда интересовали собеседники, от которых он мог услышать из первых уст что-либо о людях, делавших историю – будь то Потемкин, Пугачев, Суворов или, как в данном случае, Кутузов. В этом плане его стремление к общению с дочерью знаменитого фельдмаршала вполне понятно. Однако поэт не сразу заметил, что его живой ум, харизматический талант, умение вести остроумный разговор очаровали стареющую женщину, далеко не чуждую литературных и художественных интересов. Пушкин не был ханжой, и разница в возрасте не очень его пугала (Хитрово была на 16 лет его старше). Он легко пошел на сближение с нею, тем более что чувствовал к ней дружеское расположение. Однако Елизавета Михайловна была натурой открытой, и их роман сразу стал достоянием молвы, вызывая ухмылки и недоумение, поскольку Пушкин в то время, как всем было известно, искал себе подходящую невесту.

Пушкин оказался в сложном положении. Доброта, открытость, искренность чувства, которое питала к нему Елизавета Михайловна, безусловно привязывали его к ней. К тому же она занимала высокое положение в обществе, к чему Пушкин ни когда не был безразличен.

С другой стороны, эта связь была мало совместима с его матримониальными планами, да и выслушивать бесконечные шутки и насмешки Пушкину было не очень-то приятно.

Пушкин постоянно метался между житейской необходимостью поскорее порвать эту связь и сознанием, что он уже не в силах это сделать: Елизавета Михайловна была влюблена в него не на шутку, и сам он все сильнее привязывался к ней... «Он никогда не мог решиться огорчить ее, оттолкнув от себя, – писал близко знавший их современник, – хотя, смеясь, бросал в огонь не читая ее ежедневные записки»¹¹.

Следы этих метаний, сохранившиеся в его творчестве и переписке, поистине поразительны. То он пишет ей нежные любовные стихотворения, то осыпает ее в письмах обидными колкостями, а за глаза, в кругу друзей, открещивается от Елизаветы Михайловны:

«Если ты можешь влюбить в себя Элизу, – пишет Пушкин Вяземскому в обычном для их переписки шутилом тоне, – то сделай мне эту Божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи»¹² (XIV, 74).

Наедине с собой Пушкин пытается разобраться в их отношениях и в нравственном и в психологическом плане. Сохранилось начало повести «На углу маленькой площади», где Пушкин, немного омоложив своих героев, воспроизводит любовную ситуацию, сходную с его собственной: «Он притворился благодарным и приготовился на хлопоты любовной связи, как на занятие должностное или как на скучную обязанность поверять ежемесячные счета своего дворцового...» (VIII, 145). И в другом месте – характерный диалог героев:

«Бледная дама не спускала с него своих черных и впалых глаз, окруженных болезненной синевою... Наконец, она сказала: Что с тобою сделалось, Валериан? ты сегодня сердит.

– Сердит, – отвечал он, не подымая глаз с своей книги.

– На кого?

– На князя Горецкого. У него сегодня бал, и я не зван. <...>

– И пренебрежение людей, которых ты презираешь, может до такой степени тебя расстраивать! – сказала дама, после некоторого молчания. – Признайся, тут есть и иная причина.

– Так: опять подозрения! опять ревность! Это, ей-богу, несносно.

С этим словом он встал и взял шляпу.

– Ты уже едешь, – сказала дама с беспокойством. – Ты не хочешь здесь отобедать?

– Нет, я дал слово.

– Обедай со мною, – продолжала она ласковым и робким голосом. – Я велела взять шампанского.

– Это зачем?...

– Но в последний раз ты нашел, что вино у меня дурно, ты сердился, что женщины в этом не знают толку. На тебя не угодишь.

– Не прошу и угождать.

Она не отвечала ничего. Молодой человек тотчас раскаялся в грубости сих последних слов. Он к ней подошел, взял ее за руку и сказал с нежностью: Зинаида, прости меня: я сегодня сам не свой; сержусь на всех и за всё. В эти минуты надобно мне сидеть дома... Прости меня, не сердись.

– Я не сержусь, Валериан: но мне больно видеть, что с некоторого времени ты совсем переменился. Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению. Тебе

---

¹¹ Свидетельство Н. М. Смирнова (РА, 1882, I. С. 238).

¹² Имеется в виду эпизод Книги Бытия, повествующий о том, как супруга египетского царедворца Потифара (в церковнославянской Библии – *Пентефрия*) преследовала Иосифа своими любовными домогательствами. Ср.: «И обратила взоры на Иосифа жена господина его... она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мной. Но он оставил одежду свою в руках ее и побежал вон» (Быт. 39: 7–12).

скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чем заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мне, чтоб со мною побороться и уехать... Я не упрекаю тебя: сердце наше не в нашей воле, но я...

Валериан уже ее не слушал. Он натягивал давно надетую перчатку и нетерпеливо поглядывал на улицу. Она замолчала с видом стесненной досады. Он пожал ее руку, сказал несколько незначущих слов и выбежал из комнаты, как резвый школьник выбегает из класса» (VIII, 143–144).

В январе 1830 г. Пушкин дарит Елизавете Михайловне одно из самых эротических и вместе с тем самых нежных своих лирических стихотворений – «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» (написанное, впрочем, не ей, а другой женщине¹³). А осенью того же года, когда ввиду приближающейся свадьбы с Натальей Гончаровой интимные отношения между ним и Хитрово все же прекратились, он вспоминает ее в элегии «Отрывок»:

Не розу Пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;

...

Но розу счастливую,
На персях увядшую
[Элизы] моей...

(III, 258)

И это при том, что еще сравнительно недавно он отправлял «Элизе моей» колкие грубоватые письма:

«Боже мой, сударыня, бросая слова на ветер, я был далек от мысли вкладывать в них какие-нибудь неподобающие намеки. Но все вы таковы, и вот почему я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки! С ними гораздо проще и удобнее. Я не прихожу к вам потому, что очень занят, могу выходить из дому лишь поздно вечером и мне надо повидать тысячу людей, которых я всё же не вижу.

Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть, я изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно, и наклонности у меня вполне мещанские. Я по горло сыт интригами, чувствами, перепиской etc. etc.» (XIV, 32, *подл. по-франц.*).

Или такая записка:

«Откуда, черт возьми, вы взяли, что я сержусь? У меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и якобинский слог» (XIV, 32, *подл. по-франц.*).

Шутки своих друзей Пушкин по-прежнему пытался нейтрализовать тем, что вместе с ними посмеивался над собой и своей возлюбленной. Таково приведенное выше его письмо к Вяземскому о «Пентефреихе». Или письмо к Плетневу, написанное уже после свадьбы, где он просит прислать книги «в дом Хитровой на Арбате» и добавляет: «Дом сей нанял я в память моей Элизы...» (XIV, 158).

---

¹³ Подробно об этом стихотворении см. стр. 135–141.

* * *

Из всего сказанного выше ясно, что рассказ Пушкина Нащокину был мистификацией, хотя и не в полной мере. Скорее всего, поэт действительно пережил приключение, о котором рассказывал. Ему, вероятно, действительно пришлось дожидаться в укромном месте ночного свидания со своей возлюбленной в особняке австрийского посланника. Ему действительно пришлось выбираться утром тайком, чтобы ее не скомпрометировать. Вероятно, весь антураж и детали от боя часов до психологии тягостного ожидания Пушкин тоже описал достаточно точно. Но вот героиню рассказа Пушкин подменил. Нетрудно понять, что приключение, которое он столь ярко живописал, относится не к Долли, а к Елизавете Михайловне Хитрово. Нащокину же Пушкин преподнес его так, что у того сложилось впечатление, что поэт говорит о ее дочери Долли. Не желая лишний раз напоминать о своем не очень-то завидном действительном романе, Пушкин заменяет его вымышленным и, конечно же, более выигрышным для его мужского достоинства.

ПИКОВАЯ ДАМА.

=
ПОВЕСТЬ.
=

Пиковая дама означает тайную
недобросовестность.

Новейшая гадательная книга.

I.

А въ несчастные дни
Собирались они
Часто;
Гули — Богъ ихъ прости! —
Отъ 50
На 100,
И выигрывали,
И отысыкали
Маломъ,
Такъ, въ несчастные дни,
Занимались они
Дьяломъ.

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; съели ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ аппетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

— Что ты сдѣлалъ, Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандоломъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставилъ на *руте*?... Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодого инженера: отъ роду не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного

Т. II. — Отд. I.

В

Несколько лет спустя, работая над повестью «Пиковая Дама», Пушкин вернулся к приключению в особняке на Дворцовой набережной и ввел эпизод, который приводился выше: Лиза назначает Германну тайное ночное свидание, тот тайком проникает в дом, ждет, когда старая графиня вернется с бала и в доме всё успокоится... После чего Пушкин отправляет Германна не к молодой девушке, а к старой графине — как всё это время приходилось поступать ему самому, что бы он при этом ни рассказывал своим друзьям...

В феврале 1831 г. Пушкин, наконец, женился на 18-летней красавице Наталье Николаевне Гончаровой. А свою немолодую возлюбленную он всё же помянул в «Пиковой Даме», назвав ее именем главную героиню – *Лизу*.

Знакомство на пироскафе

В апреле 1830 г. Пушкин получил, наконец, долгожданное согласие Н. И. Гончаровой на брак с ее дочерью Натальей Николаевной.

6 мая состоялась помолвка, и Пушкин, которому было свойственно впадать из одной крайности в другую, начинает сомневаться: а стоит ли... И это после того, как он больше года этого согласия всеми силами добивался.

Памятником его раздумий стали сделанные на той же неделе – 12–13 мая – записи в рабочей тетради, озаглавленные в присущей ему мистифицирующей манере «С французского», а в дальнейшем названные публикаторами по первой фразе «Участь моя решена. Я женюсь». Лейтмотив размышлений Пушкина на эту тему составляет по существу одна фраза:

«Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моей беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством» (VIII, 406).

Далее размышления, которые до этого момента можно считать автобиографическими, переходят в набросок повести или новеллы, которую Пушкин так никогда и не закончил. Тем не менее апология холостой жизни прослеживается в наброске вполне определенно:

«Утром встаю когда хочу, принимаю кого хочу, вздумая гулять – мне седлают мою умную, смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низинных домиков... Обедаю в ресторации, где читаю или новый роман или журналы – если же Вальтер Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса, – то требую бутылки шампанского во льду – смотрю, как рюмка стынет от холода... Еду в театр – отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза... Вот моя холостая жизнь» (VIII, 406–407).

Несколько неожиданно (все-таки это набросок, а не законченное произведение) герой переходит к опасениям: а вдруг ему откажут? Подобные опасения настолько памятны Пушкину, что он сосредотачивается на этом еще в начале наброска, испещряя тетрадь бесконечными вычеркиваниями в поисках подходящих слов и выражений. В результате он останавливается на варианте:

«Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заматавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком – всё это в сравнении с ним ничего не значит» (VIII, 406).

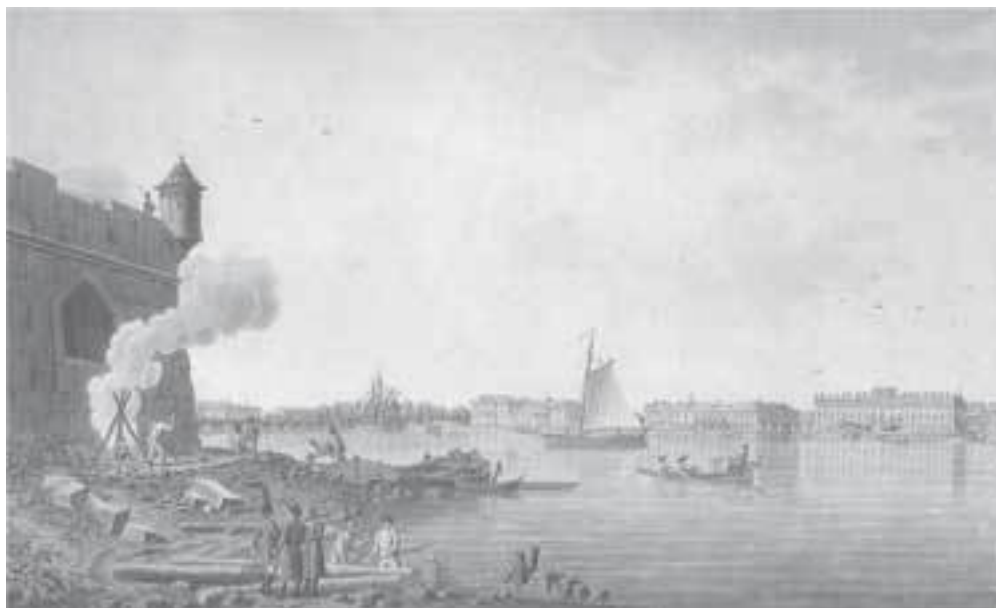
Теперь он говорит на эту тему в более спокойном тоне:

«Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, – и уже воображал себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся – морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег – *My native land, adieu*. Подле меня молодую женщину начинает тошнить – это придает ее бледному лицу выражение томной нежности. Она просит у меня воды – слава Богу, до Кронштата есть для меня занятие...» (VIII, 407).

Сцена, которую воображает герой, автобиографична: такой эпизод действительно имел место в жизни Пушкина. Правда, описав его внешне предельно точно, Пушкин полностью поменял его тональность и внутренний смысл.

Событие, о котором идет речь, произошло за два года до того – 25 мая 1828 г. Накануне дня своего рождения Пушкин совершил увеселительную прогулку на пироскафе в Кронштадт в компании своих друзей. Среди них: Вяземский, Грибоедов, Николай Киселев, Алексей Оленин с сестрой Анной, за которой Пушкин тогда ухаживал.

Петербург. Вид на Неву

Спустя тридцать лет Анна Оленина так вспоминала об этой поездке в письме к Вяземскому:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.